

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ Я – СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ, ВОЛИ, ПЕРЕЖИВАНИЙ? ¹

«Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.»
Ф.Тютчев

Аннотация

Подлежат различению: *слово «Я»*, существующее в культуре («Я» как культурный знак); *Я-прообразы* в психике – чувственные оттиски «Я» как культурного знака; *идея Я* в жизнедеятельности индивида.

Абсурдны попытки гипостазировать существующее понимание «Я» как производящей основы восприятия, действия, переживания: никакого гносеологического (познающего), волевого (действующего), экзистенциального (переживающего) субъекта, как *непосредственной* основы активности индивида, – нет. Всё это – фикции, миражи, мнимости. Анализ, однако, показывает, что они способны обнаруживать своё участие бытия.

Культурные знаки «Я», чувственно запечатленные в психике, будучи прообразами Я, сами по себе еще не являются Я. Но индивид, активность которого опосредствуется прообразами Я – «узорами», «композициям», «рисункам», «чертежам», «иконками» в чувственном материале психического, а также – текстами, описывающим взаимоотношения между ними, – заявляет о себе как реальном Я (здесь «*мнимое Я*» превращается в «*Я-подлинное*», «*Я-действительное*»).

Реальное Я есть форма существования индивида, определяемая встречей присущей ему «бессубъектной» активности, с знаками, презентирующими прообразы Я. Прообраз Я превращается в реальное Я, когда опосредует устремленные вовне импульсы индивидуальной активности; вследствие этого мир изменяется и адресует индивиду новые вызовы; на них индивид отзывается новыми импульсами, смешивая их со своей бессубъектной спонтанностью.

На каждом новом своем витке активность индивида не только опосредуется знаками Я, но и модифицирует их: они при этом как бы «возвращаются к себе самим», превращаясь из посредников индивидуальной активности в ее результат.

Таким образом, рождаются подлинное Я: *субъект познания, воли, переживаний*.

Эта статья, задуманная давно, была написана под свежим впечатлением недавно вышедшей книги В.П.Зинченко – «Сознание и творческий акт» (Зинченко, 2011). Капитальное исследование, являющее собой опыт синтеза феноменологии, логики, культурологии и психологии сознания! Во внутреннем диалоге с автором этой книги оформились мысли, высказанные в настоящей статье. Посвящаю статью Владимиру Петровичу Зинченко, подлинному эксперту «по вопросам сознания».

¹ Работа выполнена при поддержке научного фонда Государственного университета – «Высшая школа экономики» в рамках проекта № 08-01-0143 «Идеи и методы мультисубъектной персонологии».

Начнем с тезиса, глубоко обоснованного в названной выше книге: «сознание – ничье». Будем считать: так и есть; и попробуем сделать следующий шаг.

«Сознание – ничье». А самосознание? С тем фактом, что *сознание* – «ничье», философски просвещенная часть общественности еще не свыклась. Но этот тезис, сохраняя сегодня свою бесспорную нетривиальность и методологическое значение, благодаря усилиям отстаивающих его теоретиков (В.С.Соловьев, С.Н.Трубецкой, Г.Г.Шпет, Г.П.Щедровицкий, М.К.Мамардашвили, В.П.Зинченко), «как бы уже» не шокирует. Развивая именно эту завоевывающую себе право на существование идею, мы обсуждаем вопрос о принадлежности *самосознания*: оно – «чьё-то», или также – «ничье»?

Казалось бы, «внутренняя форма слова» (не по Шпету, а по Потембне, находящему подсказку к пониманию внутри звучащего слова), исключает сомнение: раз «само», то уж – и «чьё». Но может быть, самосознание, как таковое, есть *иллюзия* сознания в коллективном пользовании социума?

В работах В.П.Зинченко и его коллег реализована отнюдь не очевидная для исследователей (будь то философы или психологи) *логическая* необходимость десубъективировать сознание, возможность понять его «из себя», не постулируя при этом избыточных сущностей, но опираясь только на его собственную – сознания – избыточность (обнаруживаемую уже на уровне «чувственной ткани сознания»). Речь идет, подчеркиваю, о необходимости и, одновременно, возможности осмыслить сознание, начиная с самых низов его, то есть (цитирую) «недостаточно еще одушевленной (в психологическом познании – В.П.) «физики» «перцептивных, мнемических, интеллектуальных, исполнительных процессов» и постепенно поднимаясь вверх, к высшим уровням духовности (и, в частности, отношению *Я – Ты*).

В контексте этих исканий – проблемы, обсуждаемые в данной статье, а именно:

- как безличное «со-» в *сознании* производит личное знание «о ...»?
- как язык, точнее, многие языки культуры, запечатленные в психике индивидуума, превращаются в его речь?
- как индивидуальное бессознательное – «речь Другого» – «осознанивает» нас, порождая то, что то, что может быть названо «*Я-говорением*», или, сказать «по-школьному», «родной речью»?
- как знаковое бытие обуславливает новое бытие знаков в психике индивидуума, как превращается оно в причину себя (*causa sui*)?
- как осуществляет себя в говорении и действии персональное *Я*?

Центральный для нас вопрос состоит в следующем: существует ли «*Я*» как «центр» сознания индивидуума, – гипотетическая производящая сила и средоточие его субъективности (именно так выглядит положение дел с точки

зрения здравого смысла²)? существует ли «Я», обладающее самосознанием и способное постигать, чувствовать и творить *из себя*?³

Этот вопрос упирается в само понимание «Я» (хотя, может быть, именно «Я» упорствует, упирается, не желая слышать ответ?).

Мы рассматриваем «Я» на трех ступенях анализа. Прежде всего, это *слово*, существующее в обычном языке, в культуре: «Я» – *как культурный знак* (используем при написании прямой шрифт, пишем с большой буквы, заключаем в кавычки). Далее – это способ присутствия культурного знака «Я» в психике индивида. В этом случае мы говорим о *прообразах Я* (теоретический конструкт «прообраз Я» вводится нами впервые; обратите внимание на написание буквы Я). Именно здесь, в вопросе о способе существования «Я» как культурного знака, есть место сомнению – «существует ли Я наяву?» Наконец, позже мы обращаемся к Я *как идее*, творящей объект, то есть воплощающейся в Я-действительное (*реальное «Я», – Я*). На этой ступени движения мысли мы надеемся восстановить в правах «Я», обитающее в культуре, но существующее лишь виртуально в жизнедеятельности индивида; может быть, нам удастся избавиться от ощущения мнимости его бытия?

Итак, подлежат различению:

- *слово «Я»*, существующее в культуре, – Я *как культурный знак*
- Я-*прообразы* в психике – чувственные оттиски «Я» как культурного знака
- *идея Я* в жизнедеятельности индивида («Я» реальное, Я).

«Я» как культурный знак. Этот знак обладает сложным строением. Он включает в себя *имя* (в русском языке звучит как «я») и ассоциированные с ним *символические модели* (*вводим для для них символ Я – используем в записи курсив и пишем с заглавной буквы*). Здесь «имя» - соответствует *означающему*, «модель» – *означаемому*. Опираясь на традиционную соссюровскую трактовку знака, мы должны подчеркнуть важный нюанс, отсутствующий в классике. *Имя* («означающее» знака «Я») не может рассматриваться как случайным образом связанное с *моделью*

² Не слишком, может быть, способного разобрать смысл сказанных слов...

³ Эти заметки, скажем сразу, – не дань М.Фуко и его вольным или невольным «соавторам», как в прошлом, так и в будущем. Нет смысла размывать *свою* субъектность посредством *чьей-то* еще, уже размытой, хоть бы и самого Фуко; ведь и она, *его* субъектность, как следует из сочинений *этого* автора (авторство в которых он сам, по сути, подвергает сомнению), легко растворяется в *чьих-то* еще субъектностях... Речь в этой статье – только о том, что «субъекта», «Я», в обычном (обыденном) значении этого слова, фактически нет. Мы бы сказали: он *просто* не существует (если и существует, то с ним все не так просто, как представляется обыденному сознанию). Его нет в качестве *самодостаточного непосредственно сущего* «Я» – самостоятельного источника и основания активности, будь то познание, переживание, действие в мире. *Такой* субъектности, говорим мы, – нет, хоть бы и мыслить ее, вслед за Фуко, в минимальной, гомеопатически расходящейся в водах социума, степени.

(«означаемым»). Оно – применительно к «Я» – есть часть модели. Само звучание – «Я» («*Jah*», «*J*» и т.п.) входит в состав модели, неотделимо от нее (вне про-из-несения не существует в данном случае и носимого содержания). Так окраска и форма крыла птицы, по которым мы можем понять, «что за птица», неотделимы от птицы, как таковой. Модели-означаемые «Я» присутствуют в языке повседневного общения, фольклоре, литературных произведениях, искусстве, науке, философских сочинениях, религиозных трактатах (как часть языка, символические модели также имеют свои *имена*, к которым мы будем последовательно обращаться).

Таких моделей – в культуре – несколько (мы пока не ставим вопрос о «моделируемом» – о предсуществующих объектах этих моделей, «оригиналах», существующих наяву). Это – «Я-познающее», «Я-устремленное», «Я переживающее». Я сродни «экзистенции» в трактовке М.Хайдеггера (само себя и себе открывающееся бытие – так можно было бы выразить суть «Dasein», «здесь-бытия», «экзистенции»). Об этом «здесь-бытии» можно сказать, что вместе с его бытием и через его бытие само бытие раскрыто для него самого. Dasein есть такое здесь-присутствие, через которое "говорит" само бытие. Как видим, тут нет посредников, нет чего-либо или кого-либо, что служило бы цели раскрытия. Бытие в экзистенции раскрывает себя непосредственно, как бы соединяясь с самим собой, оно есть и причина себя и следствие себя самого. «Я», как культурный знак, заключает в себе именно этот смысл – непосредственного самообнаружения, самоустановления, самоохвата (или – «захвата»). Внешние объекты при этом могут втягиваться в орбиту «заботы» (термин Хайдеггера) раскрывающего себя бытия, но, в конечном счете, экзистенция озабочена самой собой: реализуя «заботу», она преодолевает тревогу «не быть».

Наряду с общим ядром, могут быть указаны также различия между ипостасями Я. Рассмотрим их конспективно.

«Я-познающее» перенимает форму объекта, существующего по ту сторону экзистенции, и размещает ее в материале, живущим по сю ее сторону; формирует, как говорят, *субъективный образ* объекта, сводит единство формы объекта и новой «материи» его бытия.

«Я-волевое» ставит цель; само порождение цели (целеобразование) – всецело в пространстве Я; оно совершается в экзистенции и завершается на границе Я и не Я; но Я-волевое на этом как бы не останавливается, оно получает свое продолжение за границами экзистенции, воплощает себя вовне, в действиях и вещах, перенимающих форму цели (в этом случае говорят о воплощении устремлений, мы могли бы предложить слово «целевоплощение», в пару к «целеобразованию»). Целеобразование и целевоплощение в целом образуют то, что принято считать *целеполаганием*, которое производится Я.

«Я-переживающее» коренится в бытии индивида, в живом потоке его бытия, но являет собой нечто большее, чем его жизнь, большее, чем его активность, большее, чем связь того и другого. Подобно демону Максвелла, «Я-переживающее» перехватывает «теплые молекулы» жизни, элементы

«психофизического бытия» индивида, пропуская их в круг экзистенции, но в отличие от этого вышколенного мифического, лишь открывающего и закрывающего дверцы, существа, оно не ограничивает себя функцией швейцара на входе и выходе. «Я-переживающее» расширяет территорию «Я», оно не только «открывает» себя опыту, но и прикраивает себе новый опыт, – переступает черту. Исследования показывают притягательность черты, ограничивающей возможный опыт, для «перешагивания» (Петровский, 2008). У М.Хайдеггера есть замечательное слово (я часто приводил его в своих работах) – «высваивать». Переживающее Я *высваивает* бытие, преднаходя его так, как если бы оно изначально принадлежало экзистенции. Но такова только одна из сторон работы переживающего Я.

Другая сторона (или «функция») – переживание того, что однажды уже пережито: «переживание переживания». Основатель эст-тренинга Вернер Эрхард говорит о *пере-переживании*. Таким образом, перед нами сочетание двух функций переживания: *первичное* переживание, относящееся к бытию, до сих пор не включенному в круг экзистенции («человек вдруг почувствовал то, что ранее не было открыто ему в переживаниях»), и – *вторичное* переживание, соотносимое с тем, что уже пережито, например, страх страха, или радость, переживаемая как восторг.

Заметим, что «переживание» заключает в себе важный смысл приобщения к целому (и за этот счет расширения, возвышения, углубления целого). Это значит, что переживание, в отличие от ощущения, не фрагментарно, не точечно. Оно обнимает, как бы прижимает к себе, весь объем доступного ему бытия, смешивает свое тепло с его собственным, доводит бытие до состояния экзистенции. Возможна и другая метафора – с гедонистическим уклоном. Экзистенция как бы пытается «распробовать» бытие, ощутить его вкус, чтобы сказать, испытав: «Мне это пришлось по вкусу» («Это – моё»), или, едва попробовав, тут же и отвернуться («Это – совсем не моё!»). Добавим, что «проба» в любом случае не остается «непереживаемой» – в процессе опробования рождается новое переживание (например, «приятное-неприятное»). Мы еще вернемся к этому пункту чуть позже (впрочем, мы вернемся не к «пункту», – не к «точке», а – многоточию...).

Во всех рассмотренных случаях «Я», – как и было сказано прежде, – *знак*, функционирующий в культуре. Подобно другим знакам, он может быть соотнесен с объектами, либо существующими, либо не существующими за пределами его самого. В том случае, когда мы находим, что *означаемое* знака соответствует объекту, *предсуществующему* данному означаемому (то есть имеет свой реальный прототип вовне), мы говорим о *гипостазе* знака, а процесс объективации означаемого называем *гипостазированием*. Обыденное сознание с легкостью необыкновенной наделяет знак «Я», его означаемое, коррелятом вовне, будто бы знак – лишь отражение того, что существует «и так» – наяву.

Однако, как мы пытаемся показать здесь, на пути к столь привычному замещению словесного знака «Я» его гипостазой (как если бы изначально, до

этого знака, в мире существовало что-то способное воспринимать-действовать-переживать), вырастают стражи логического порядка, контролирующие возможность самого перехода из области фантазии в область реальности. Они как бы расставляют для нас предупредительные знаки: «Дальше – нельзя! Дорога ведет в никуда... В бесконечность... Дурную!»

Именно так! Допуская на время, что «Я», как культурный знак, означаемое которого есть образ чего-то «до-знакового», реально сущего, присутствующего в физическом пространстве-времени, а именно знак индивида, способного воспринимать мир, действовать в нем, переживать свои взаимоотношения с миром, мы превращаемся в заложников дурной бесконечности – трех ее разновидностей, определяемых тремя ипостасями *Я*. Присмотримся:

- быть *познающим* существом – значило бы: «познавать, что познаешь, что познаешь, что познаешь... и т.д.»⁴
- быть *целеустремленным (волевым)* существом, значило бы: не просто ставить и достигать свою цель, но еще и стремиться к этому, а также «стремиться к тому, чтобы стремиться стремиться... и т.д.»⁵
- быть *переживающим (чувствующим)* существом, значило бы: «переживаешь, что переживаешь, что переживаешь... и т.д.»

Как видим, условием существования *Я* (в трех обозначенных его ипостасях), является нечто, чего нет как безусловно сущего. Верхние этажи небоскреба опираются на нижние, мы спускаемся ниже и ниже, фундамент отсутствует. Перед нами логическая дилемма: либо признать *Я* существующим наяву (реально сущее), однако не имеющим под собой прочной опоры (безусловно сущее), либо признать, что *Я*, если и существует, то в мире *условно-сущего*, то есть там, где «живут» значения знаков, созданных воображением человека или, скорее, воображением всего человечества в целом. В последнем случае, в терминах семиотики Морриса – это знаки, не имеющие денотата. И уж тем более, добавим мы, – знаки, не подразумевающие существование *ноумена* (общей основы реально существующих объектов, к которым отсылает знак) (Петровский, 2010).

В разрешении этой логической дилеммы, мы – на стороне второй отмеченной нами возможности. Дурная бесконечность, регресс к безосновности *Я*, есть для нас свидетельство *несуществования Я* как реально сущего. Перед нами знак и не более, чем знак «Я». Если же ошибочно его условное бытие в мире культуры принимается нами за реальное бытие, то есть смысл говорить о *мнимости Я* (ведь в этом случае мы попросту *мним* его существующим, а не мыслим).

Тот факт, что перед нами именно знаки, а не реально существующие, точнее *предсуществующие* объекты, когда мы говорим о *Я*, подтверждается

⁴ Лопатинский «человечек в человечке».

⁵ В детстве мне говорили (да простит мне читатель «очень личные» воспоминания): «Надо сделать над собой усилие, каких бы усилий тебе это усилие не стоило...»

тем, что в культуре существуют некие обереги от призраков – специальные знаковые средства «преодоления» дурной бесконечности (обратим внимание на кавычки!). Например, в повседневной речи встречается словосочетание «и так далее, до бесконечности». Что это значит? Перед нами выраженное словами *означающее* недостижимого *означаемого*, символ незавершенности процесса. К *реальности* мы не можем приделать уходящий в бесконечное далеко символический «хвост». Слова «и так далее», которые сами являются знаками, мы можем присоединить к словесным *знакам* и только. Так обстоит дело и с другими знаками-номинациями бесконечности.

Примечательно, что *означаемое* приобретает здесь свой смысл *через* *означающее* (*имя*). Ну, в самом деле: что значит – «незавершенное»? Для нас это означает, что мы говорим о чем-то: «И так далее, до бесконечности». Само *говорение* (*произнесение этих слов*), а также, иногда, – смутные *образы-переживания, сопровождающие* произносимые слова, – *являют для нас* смысл бесконечности; ее не существует для нас каким-либо иным образом (есть только *знаковое* ее бытие). В формальных языках есть уловки-значки (уловители бесконечности), например:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} x_n$$

(латинской аббревиатуры «*lim*», знака переменной «*n*», стрелочки « \rightarrow », значка бесконечности « ∞ », расположения первого знака над тремя расположенными слева направо другими элементами символа, сочетание элементов «*x*» и чуть ниже «*n*», расположенных справа по центру). Человеку, знакомому с этим символами, вполне достаточно взглянуть на них, чтобы вызвать в сознании нечто, *переживаемое* как зыблущееся, теряющее отчетливость, разве что только «походящее» на бесконечность (зримый проход, или переход к бесконечности субъективно обрывается на третьем-пятом «ходу»), а «охват» бесконечности, за небольшим, нередуцируемым, остатком, сводится к только что нарисованной в центре страницы композиции из значков «*lim*», «*n*», « \rightarrow », « ∞ », «*x_n*»⁶.

Психологически самым интересным и принципиально важным для всего дальнейшего является тот самый «нередуцируемый остаток», необъективируемый смысл бесконечности, живущий в переживаниях индивида. Может быть, размытость образа, тот факт, что он как бы на наших глазах тает, его всё еще продолжающееся исчезновение, переживается нами

⁶ Мне помнится, как музыкальный критик А.С.Агамиров, на вопрос ведущего радиопередачу, *что* он, «человек музыки», *видит* перед собой, слушая музыку (какие зрительные образы перед ними возникают, может быть, волны морские, может, что-то еще), коротко ответил: «Ноты». Потевня прав: слово *око* мы перестали видеть в слово *окно*. «Внутренняя форма слова» (в понимании Потевни – здесь мы не касаемся богатой открытиями дискуссии на оси Шпет - Потевня), первоначально, возможно, подсказывающая смысл слова, со временем сходит на нет. Так и многие образы, в том числе смутные образы бесконечности, перестают играть роль поддержки или подсказки к осмыслению слова; в конечном счете, математик видит перед собой запись «бесконечности», «бесконечно малых», «предела», то есть видит «ноты» – правда, математические.

как «модель» бесконечности, «мини-вечность»? Или, может быть, «чувство порождающей активности», о которой пишет В.П.Зинченко (Зинченко, 2010б, с. 103), дает нам переживание бесконечности, притом – бесконечности истинной, а не «дурной»? Ведь в чем различие между ними – на уровне переживаний? Если речь заходит об истинной, актуальной бесконечности, в философии именуемой *трансфинитностью*, то ее суть – в двойном отрицании: *отрицается само отрицание*, бытие нечто выступает как *отграниченное от ограничений*, – как неограниченное (безграничное, подлинно бесконечное) бытие. Чувство порождающей активности таково, что человек пребывает на старте процесса... Активность пока еще не ограничена ничем, – даже целью. Она (активность) ощущает себя, свое присутствие в плоти слова, ощущает и плоть его, – в альпинистской связке элементов «и»(союз,связь)-«так»(определенность, прочность)– «даль»(простор без границ)-«э-й-э»(эхо)...; она, как в лодочке, – во внутренней форме слова; она раскачивает эту лодочку, ощущая свою свободу, неограниченность в своих первых движениях, – не бесконечность вообще, а бесконечность *собственную*, то есть бесконечность, как мог бы сказать Б.Спиноза, «в своем роде»; такая вот бесконечность наполнена тем, что пребывает по сю сторону отрицаемой границы (так, экзистенциалисты, решившие однажды, «что Бога нет», стали заполнять образовавшийся экзистенциальный вакуум разговорами о несуществовании Бога, тем самым возвращая себе чувство присутствия бесконечного существа в душе своей).

Однако здесь мы выходим за очерченные (рефлексируемые культурой) пределы слова «Я», за границы значения этого знака, закрепленного в текстах культуры; теперь мы уже – на суверенной территории индивида, его психики: в первичном (бытийном) слое ее, то есть там, где обитают *переживания* (первое определение психики, по С.Л.Рубинштейну), или – что тоже самое – там, где уже соткана психикой, но еще не скроена и не сшита портным на заказ, *чувственная ткань сознания* индивида (первая «образающая» сознания, по А.Н.Леонтьеву).

Только людям, по инерции верящим, что *всё в психике* есть отражение того, что находится по ту сторону психики, «в окружающем мире», может представиться (надеюсь, только на миг!), будто переживания или чувственная ткань сознания суть означающие чего-то внешнего, объективно-сущего, то есть *предсуществующего* означаемого (между тем, ни Рубинштейн, ни Леонтьев, конечно, не думали ничего подобного, хотя Рубинштейн писал о соотношенности переживаний с чем-то внешним, а Леонтьев выделял функции чувственной ткани в построении образа мира). Нелишне подчеркнуть противоположный тезис (даже если он покажется кому-нибудь очевидным!): «переживание» есть чувственное сопровождение (но отнюдь не отражение, скорее уж наполнение) жизни, субъективно-психическая сторона проживания индивидом тех или иных жизненных ситуаций; точно также и «чувственная ткань сознания» – субъективно-психическая сторона физических процессов, протекающих в организме, внутренняя ипостась «живого движения» индивида, биодинамики его тела,

но ни в коей мере не отражение *физики* этих процессов. Вынесение вовне, объективация, гипостазирование переживаний, *как таковых*, «чувствований» (И.М.Сеченов), наделение их статусом самостоятельно сущего (а потом, возможно, и «отражаемого») – абсурд, проявление инерции мысли, воспитанной в духе известной моим коллегам с университетских времен ленинской теории отражения⁷. Трансфинитность «Я» есть особое переживание, чувственная ткань порождающей активности. Я – не зеркальная комната, с неисчислимым количеством «зазеркалий», не родник, бьющий из бесконечных глубин, и не солнечный зайчик, который всегда поверх лоящей его руки. Всё это – в своем исходном определении – фантом рефлексии, приписывающей Я статус реальности.

Но можно ли, положа руку на сердце, согласиться с подобной – уничижительной – оценкой онтологического статуса Я? Можно ли смириться с тем, что логика «Я» наотрез отказывается ратифицировать договор с феноменологией «Я» (логика настаивает, что Я – мнимость, феноменология свидетельствует: Я есмь)? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Присутствие Я в психике. Прообразы Я. Имея дело с феноменом чувственной презентации знака «Я», его запечатленностью в психике, мы будем говорить о прообразах Я, – источниках становления Я-действительного в противоположность Я-мнимому. Прообразы Я – сами по себе – не являются Я. В противном случае, как мы уже говорили, мы имели

⁷ Я заострю эту мысль, предлагая некий перевертыш традиционной «теории отражения», что доминировала в течение многих десятков лет в умах подневольных философов и психологов советской закалки, обсуждающих вопрос о соотношении «внутреннего» и «внешнего», «психического» и «физического», «души» и «тела», «субъективного» и «объективного». Итак, быть может, – позволим себе посочинительствовать! – душа заявляет о себе там и тогда, где и когда нечто *отсутствует*? Не *отражает*, а *восполняет*, то чего нет? По аналогии с тем, как нам все-таки удастся видеть нечто невидимое на месте слепого пятна. Словом, – вместо ответа, – как вам, читатель, такой «вопрос на вопрос»:

ЗАЧЕМ – ДУША?

Душа – и Ваша и моя –
латает дыры бытия...
Смеетесь вы: «Ума палата!..»
Но даже если «Номер Шесть»,
когда в пространстве дыры есть,
душа – отменная заплатка
(порняжке-мне хвала и честь),
а «сотня талеров» –
зарплата:
что есть в кармане, что не есть.

(Читатель, конечно, помнит кое-что из А.П.Чехова, прозорливо описывающего обстановку в наши дни, но известный пассаж философа я всё-таки напомним – уж больно хорош, особенно в наше время: «Сто действительных талеров не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных талеров» – писал И. Кант.)

бы дело с дурной бесконечностью, – бесконечной отсрочкой ответа на вопрос о том, как мыслить *безусловную* основу Я (фундамент его бытия-наяву).

Но что представляют собой прообразы Я в психике? Попробуем назвать их, не детализируя каждый. На наш взгляд, это: переживания, присущие индивиду («чувственная ткань сознания»), представления («рисунки») в «материи» переживаний («рисунки, вытканые на чувственной ткани»), названия-имена («мне», «мною», «во мне», «для меня» и т.д.); вся композиция в целом *никем не воспринимается, никем не переживается, не исходит ни их кого*; имя этой композиции – «я» (и это имя – также часть композиции, один из ее элементов – не более чем элемент!).

Приведу небольшой фрагмент текста (и сегодняшние добавления к нему) из интервью, которое я дал своему коллеге, профессору Андрею Юрьевичу Агафонову (более полный текст – *Петровский, 2010а*):

«...Вы можете спросить меня так: а кто, всё-таки, видит субъективные содержания-творения психики? И я Вам отвечу: «Никто».

Никто, понимаете... Картинная галерея пуста. В ней зрителей нет. Нет и художника. Автопортрет его, впрочем, присутствует – и это одна из картин в галерее. Автопортретов таких может быть много. На одном из них – он, рисующий себя (можно добавить – рисующий себя рисующим себя и т.д.). На другом – тот же художник, изображающий мир, окружающий его. Есть портреты других людей... Но никто никого не видит... Звучит голос, называющий имена, вещи... Например: «Я вижу эти картины», «Я знаю этих людей», «Я узнаю эти предметы». Но никакого «*видения*» этих картин в галерее нет, как нет и никакого «знания» или «узнавания» чего-то кем-то «внутри». Просто, на одной из картин – мольберт, кисточка, зеркало, и «видящий», «рисующий» себя, художник, да подпись еще: «Автопортрет». Безумцы, дети и некоторые братья-философы могут поверить в то, что всё это происходит в действительности: это – художник, он – держит кисть, видит себя в зеркале, считает, что видит себя, подписывает картину и т.п.

Вы скажете: «Деперсонафикация?! Клиника утраты “Я”»?

Нисколько! Скорее, демистификация. Остранение. «Деконструкция» привычных слов, привычных высказываний, типа: «Я вижу что-то», «Мне явлено нечто». Картинки, конечно, – есть. Нет, не точно... Слово «картинка» предполагает «зрителя». Как, впрочем, и слово «образ» (образы, говорим мы, нам «даны»). Увы, мы не можем вырваться за пределы слов, искажающих суть. Примысливаем (приговариваем) «Я-созерцающее» автоматически, как если бы, говоря, «Сепир», тут же присовокупляли «Уорф». В действительности всё содержание сознания и самосознания может быть сведено к ... Вот ведь, нет таких слов! Я хочу сказать, мы должны сойти с кода «вижу - не вижу», применительно к тому, что возникает в сознании, твердо придерживаясь просто «есть» или «нет». К примеру, высказывание: «Я видел сон» означает: «был сон», «был кто-то», о ком говорят «Я» (присутствует автопортрет субъекта) и - цепочка звуков «Я видел сон», привычное значение которых – фикция, которая, впрочем, может быть еще «зарисована» в сознании в виде в виде объекта, символизирующего сон, в

виде обычного символа, которым изображают глаз, в виде стрелочки, символизирующей «видит». Ничего кроме этого в высказывании «я видел сон» - нет⁸.

Добавлю, что и «вера в себя», свое *Я* как «субстанционального деятеля», есть *переживание* индивида; как таковое, непосредственно, оно не имеет статуса «двигателя» или «восприемника» материальных процессов⁹. В действительности никаких демонов или гомункулусов не существует. Население психики такими фантастическими существами («осуществляющими выбор и принимающими решение») содержит в себе «опасность неадекватного опредмечивания» – об этом пишет в своей книге «Сознание и творческий акт» В.П.Зинченко (Зинченко, 2010б, с. 38).

... Но не упраздняется ли при таком подходе столь дорогая мне идея субъектности человека? Нет! Наоборот, мне думается, – она только выигрывает при этом. Я думаю, мы ни на шаг не продвинемся вперед в постижении активности, если позволим себе утвердиться в мысли о том, что «субъект», «субъектность», «Я» суть эпифеномены, призраки сил, регулирующих поведение и сознание. В действительности, схема субъекта («причина себя»), прообразы Я и т.п. – как культурные знаки активного индивида – образуют узоры ментальности, конфигурируют своим присутствием феноменальное поле, соучаствуют в гештальтах, направляющих поведение. Присмотримся¹⁰.

Присутствие Я в жизнедеятельности индивида. Г.Гегель говорил, что идея свободы сделала людей свободными. Точно также и схема Я (прообраз Я, присутствующий в психике), приобретая статус *идеи*, превращает индивидов в *субъектов* своих деяний; она сопровождается рядом глубинных переживаний: мы чувствуем, что есть какой-то источник, какой-

⁸ В контексте сказанного хочу процитировать Б.Пастернака: «Больной следит. Шесть дней подряд //Смерчи беснуются без устали. //По кровле катятся, бодрят, Бушуют, падают в бесчувствии.//Средь вьюг проходит Рождество.//Он видит сон: пришли и подняли.//Он вскакивает: "Не его ль?" //(Был зов. Был звон. Не новогодний ли?) // Вдали, в Кремле гудит Иван, // Плывет, ныряет, зарывается.// Он спит. Пурга, как океан//В величье, - тихой называется». Функция субъекта смещена к объекту. Больной не «видит». Больной – «следит». Перед его глазами происходит что-то, к чему он сам не имеет касательства, всё происходит без всякого участия со стороны свидетеля. И только потом он – «вдруг вскакивает...», что подчеркивает, по контрасту, его безличное присутствие в том, что происходило с ним раньше.

⁹ Критику онтологических допущений Лосского о субстанциональном деятельности дает Г.Г.Шпет, и среди этих допущений критически оценивает идею, согласно которой «всякое человеческое я есть субстанциональный деятель, осуществляющего «материальные процессы отталкивания» и направляющего, по крайней мере, некоторые из них,сообразно своим желаниям» (цитирую по книге Зинченко, Пружинина, Щедриной, 2010а, с.151). В нашей статье мы не рассматриваем еще один логический контраргумент против гипостазирования «субстанционального деятеля» – идею взаимодействия природных (физическая энергия) и «иноприродных» (В.И.Слободчиков) афизических (А.И.Миракян) «сил», неизбежно дедуцируемую из идеи «трансцендентности в имманентности» я (Гуссерль).

¹⁰ См. также Петровский, 2010б (в печати)

то родник наших чувств и мыслей. Прообразы *Я*, как таковые, не являются (подчеркнем эту мысль повторно), каким-либо непосредственным «источником» или «родником» активности. Думать так – ошибочно. Но они, *приобретают* это особое качество *действительного* (а не мнимого) *Я*, когда *опосредуют* органически присущую индивиду активность (целевые и нецелевые тенденции, импульсы, реактивные силы, ансамбли процессов, протекающих в теле и т.д. и т.п.). Подлинное *Я* есть результат синтеза, сплава, активности (энергии действия – иногда *до* действия, потока сознания – никогда полностью не осознаваемого) природного (бессубъектного) происхождения и схемы *Я* (прообраза *Я*, произведенного, в конечном счете, культурой). О таком действительном, подлинном *Я* мы говорим «субъект», различая в нем *форму* (схема *Я*, = прообраз *Я*) и динамический *материал* (активность, энергия).

Метафорически, активность индивида в процессах такого опосредования можно уподобить световому лучу, проходящему сквозь отверстие в перфокарте, конфигурация просветов которой аналогична узору прообраза *Я* (напомним, что сделанная из тонкого картона перфокарта, применявшаяся в компьютерах первого поколения, представляет информацию наличием или отсутствием отверстий в определённых позициях карты). Сказанное означает, что прообразы *Я* конфигурируют проходящий сквозь них поток активности, и в этом случае прообраз *Я* превращается в *Я-как таковое*, становится действительным *субъектом* происходящего («субъект», в нашей трактовке, есть *causa sui* – *причина себя* (Петровский, 1992)¹¹.

¹¹ Эта аналогия задает ракурс постановки проблемы *конфигурирования* активности со стороны психических структур, несущих в себе прообразы *Я*. Этот вопрос, в свою очередь, существенно расширяет предмет нашего анализа: мы вступаем здесь на территорию дискуссий о природе психики, способах решения (как, впрочем, и уходах от решения) знаменитой психофизической проблемы (не путать с психофизиологической и психогностической – в терминах М.Г.Ярошевского). Я не буду здесь углубляться в эту дискуссию. Ограничусь только *определением* психики как *третьей* реальности, занимающей положение *между* субъективным и объективным. В нашей совместной с М.Г.Ярошевским статье «Психика» (2005) приводится следующее определение психики: «По В.А.Петровскому, система неотторжимых от живого существа процессов и состояний взаимоперехода объективных и субъективных атрибутов его бытия» (с. 25). В своих публикациях, посвященных понятию «психика» я ссылаюсь на работы М.В.Басова, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна, Д.Н.Узнадзе и др., в том числе и свои собственные, но рассуждал в стороне от разработок Г.Г.Шпета, с которыми познакомился позже (благодаря книгам В.П.Зинченко и в контексте его собственных размышлений). Может быть, читателей заинтересует один из возможных ответов о природе психического и некоторых подходах к решению психофизической проблемы, предложенных в моей статье «Психология: непредметность предмета» (Петровский, 2004). Речь в них идет о дифференциации «физического» и «психического» по критерию транспонируемости – нетранспонируемости объектов, принадлежащих этим мирам (идея совпадения локуса порождения качеств и локуса существования их применительно к психическому – ни переместить, ни подсмотреть психическое содержание «со стороны» нельзя; гипотеза о суперпозиции физических волн, не порождающей новых волн); в настоящей статье мы

Мы оставляем без обсуждения, могут ли конфигурации психики порождать динамические тенденции в психическом слое бытия («установки» Д.Н.Узнадзе, «инстинктивные влечения» З.Фрейда «локализованы» именно в этом слое), например, присутствует ли здесь что-то наподобие гештальт-тенденций или «формообразующей тяги» (О.Мандельштам), которую отмечает в своей книге В.П.Зинченко¹². Мы подчеркиваем пока – иное: психические формы, опосредующие проявления бессубъектной активности индивида, способны превращаться в *формообразующее начало*, они могут приобретать особую *функцию*: конфигурировать «живое движение», поток жизни, поток сознания.

Мысленно мы могли бы проследить траекторию активности *от* индивида *к* объекту *сквозь* культурные знаки «Я» (и знаки окружения), а после – ответные послания мира, «вызовы», порождающие новый виток активности. Заметим при этом, что активность, реализуемая индивидом, «проходя» сквозь знаки, опосредуется ими, приобретая новые формы, но и сама трансформирует знаки, вносит динамику в символическую картину мира и себя в мире, реорганизует знаковую среду, пронизываемую ею. Быть может, именно эта, вторичная, *знаковая динамика* ощущается «формообразующая тяга», о которой писал Мандельштам?

В связи с постановкой этого вопроса, отметим, что знаковая картина мира – это не только посредник в ряду «активность – знак – мир», но и следствие самой себя как возвращающейся к себе причины, которая заново конфигурирует активность индивида. Гегель говорил в таком случае – свободная причина (причина себя). И в этом смысле прообразы *Я* выступают в роли *causa sui* – детерминирующих свое собственное бытие знаков. Возможно, под этим углом зрения может быть осмыслена приводимая в цитируемой книге В.П.Зинченко «антигипотеза Сепира-Уорфа», высказанная М.К.Мамардашвили и А.М.Пятигорским. «Мне важно подчеркнуть, – пишет В.П.Зинченко, – что, вводя даже не понятие, а символ «сферы сознания», они размышляют о ней как безличной и бессубъектной. Но этого мало. Они, как бы продолжая мысль Шпета, делают еще один важный шаг, который они назвали «антигипотезой» Сепира-Уорфа: не язык является материалом, на котором можно интерпретировать сознание, не он является средством для какого-то конструирования сознания. Напротив, определенные структуры языка выполняются, или, вернее, могут быть выполнены, *в материи сознания*» (Зинченко, 2010б, с. 28). Частица «ся» в слове «выполняются», мне кажется, и заключает в себе этот смысл самоопосредования («самоотнесенности») в терминах психологии сознания Г.Ханта – Ханта, 2004)

еще раз озвучиваем важную для рассмотрения психофизической проблемы идею, что субъективно-психическое изначально *не воспринимается никем* («воспринимающее Я», изначально, есть такое же образование психики, как и «объект восприятия», или (и) «процесс восприятия субъектом объекта»).

¹² «Поэму насквозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга» (О.Мандельштам). Цит. по книге В.П.Зинченко (Зинченко, 2010б, с.105).

знака *Я* в психике (схема самоопосредования: «внутренняя активность индивида → динамика и посредничество со стороны прообраза *Я* → поведение → “ответы мира” → активность индивида → динамика и посредничество со стороны обновленного прообраза *Я* → поведение →... и т.д.»). В этих переходах «выполняет себя» идея *Я*, существующая в языке.

Перечислим теперь последствия событийных «встреч» названных элементов: «бессубъектной» активности индивида, прообразов его *Я*, поведения, конфигурированного ими, и – порождаемых «ответами» извне новыми его акциями и реакциями. В этом (и только в этом) случае нам приоткрываются *субъектные* способы существования *Я*, а именно:

- истинный субъект *познания*, строящий образ мира (*Я-созерцающее, Я-мыслящее, Я-ведающее, Я-обладающее*)
- истинный субъект *воли* (*Я-целеполагающее, Я-достигающее, Я-влиющее, Я-дарящее*)
- истинный субъект *переживания* бытия, производящий чувство целостности и продолженности бытия индивида в мире (*Я-испытывающее, Я-событийное, Я-трансцендирующее*).

Говоря о субъектности *Я*, понимаем, что предложенный список – лишь конспект, мы бы сказали, – опережающий конспект – результатов предстоящих исследований в области логики и феноменологии «*Я*».

Особый предмет исследования – изучение того, как представление о «*Я*» (и в частности, о его существовании или несуществовании в статусе субъекта) способно участвовать в процессах индивидуальной жизни, увеличивая, сужая, или, возможно, оставляя нетронутым число степеней свободы, «размерность» бытия человека в мире.

Подытожим:

Я есть фантазия индивида о себе как самополагающем существе, – познающем, действующем, переживающем. Эта фантазия о себе, «знаковое *Я*», является, первоначально, иллюзией сознания, – этому представлению о себе ничего не соответствует в действительности. Иными словами, абсурдны попытки гипостазировать существующее понимание «*Я*» как производящей основы восприятия, действия, переживания; не стоит обманывать себя, полагая, будто бы есть в глубине индивида особый, потаенный субъект. Считая так, мы получаем, как минимум, три варианта дурной бесконечности (в виде унылой колонны «гомункулусов», смотрящих в затылок «вперед смотрящему» – эфемерность «гносеологического субъекта», «субъекта познания»; тонущих в своей экзистенции поглотителей чувств – эфемерность «претерпевающего субъекта», «субъекта переживаний»; продвигающихся всегда «вперед, но пятысь» подготовителей и устроителей действия – эфемерность «целеполагающего субъекта», «субъекта воли»). В действительности, нет никакого *Я*, которое было бы *непосредственной основой*, источником многоплановых форм активности индивида.

Кроме того, добавим: «*Я*» никому не принадлежит. Оно не является чьей-то собственностью и не содержит в себе ничего «личного», «своего»; первоначально, его нет даже «у себя самого». «*Я*», вместе со всеми нашими

привычными представлениями о его принадлежности *кому-то*, например, данному индивиду, или, положим, о принадлежности чего-либо *Я* как таковому (мысли, чувства, интенции) суть - фикция, мираж, мнимость. Наяву существует лишь *имя* «я», существуют «рисунки» *Я* в окружении слов («строчка-рисунок» на чувственной ткани сознания, «узоры», «композиции», «чертежи», «иконки» в психике), существуют *символы* принадлежности, соотнесенности, направленности и т.п., описывающие «*Я*» во взаимоотношениях с миром или его представителем *X* (например: « $Я \subset X$ » – «*Я* содержит в себе *X*»; « $Я \supset X$ » – «*Я* опирается на *X*»; « $Я \rightarrow X$ » – «*Я* воздействует на *X*»; « $Я < X$ » – «*Я* видит *X*»), существуют *переживания*, сопутствующие имени, рисункам, символам.

Точно также нет и особой функции *Я* как некоего загадочного, потаенного (беспредпосылочного, трансцендентального) телеологического основания активности; нет смысла искать ответ на вопрос: «зачем это мне?» Ответа на этот вопрос «в природе» мы не найдем (читатель может вернуться к эпиграфу из Тютчева в начале этой статьи). Всевозможные «ради меня», «во имя меня» суть лишь знаки чего-то, *проблематически* существующего (истинность существования соответствующих денотатов не очевидна!). Однако фантазии о себе (мы описываем их как *прообразы Я во взаимоотношениях индивида с миром*) способны становиться реальностью; это происходит тогда, когда они выступают в связке процессов, бессубъектных в своей изначальности; прообраз *Я* превращается в реальное *Я*, когда опосредует устремленные вовне импульсы индивидуальной активности; вследствие этого мир изменяется и адресует индивиду новые вызовы; на них индивид отзывается новыми импульсами, смешивая их со своей бессубъектной спонтанностью.

На каждом новом своем витке активность индивида не только опосредуется знаками *Я*, но и модифицирует их: они при этом как бы «возвращаются к себе самим», превращаясь из посредников индивидуальной активности в ее результат. Но это значит, что исходное – «словесно-рисуночное», иллюзорное – *Я*, как бы впитывая в себя и опосредуя собой живой поток активности индивида, приобретает статус *идеи*, – самодействующего представления, порождающего свой «объект». На месте призрачного, миражного, статичного «*Я*», которое, на поверку, есть всего-то прообраз *Я*, появляется **живой знак Я**, обладающий длительностью, осмысленностью, самооценностью («для себя бытием»); рождаются истинные: *субъект познания, субъект воли, субъект переживаний*.

Овладевая поведением, *идея Я* становится (как тут не вспомнить слова еще не забытого философа?) «материальной силой».

Л и т е р а т у р а

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. Языки славянских культур. Москва, 2010.

- Зинченко В., Пружинин Б., Щедрина Т.* «Истоки культурно-исторической психологии», Москва, РОССЛАН, 2010.
- Петровский В.А.* Феномен субъектности в психологии личности: Дис. ... доктора психол. наук. М., 1992а.
- Петровский В.А.* Психология: «непредметность предмета» // Труды ярославского методологического семинара «Предмет психологии». – Ярославль, 2004 б.
- Петровский В.А.* Мотив границы: знаковая природа влечения. Мир психологии. – 2008 а. – № 3.
- Петровский В.А.* Смысловые миры личности, или «Во что верит мысль?» // Психология субъекта и психология человеческого бытия. / Под ред. В.В.Знакова, З.И.Рябикиной, Е.А.Сергиенко. Краснодар, 2010б (в печати).
- Петровский В.А.* Логика Я: Персонологическая перспектива. М., Изд. ГУ-ВШЭ, 2010в (в печати).
- Хант Г.* О природе сознания. М., Изд. Института трансперсональной психологии, 2004.
- Ярошевский М.Г., Петровский В.А.* Психика / Общая психология. Словарь/ под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь, в 6 томах / ред. сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В.Петровского. – М.: ПЕР СЕ, 2005, с.24 – 27.